

*Научная жизнь***РЕАЛЬНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ*****Рецензия на книгу В.А. Ладова
«Иллюзия значения. Проблема следования правилу
в аналитической философии» (Томск, 2008)***Е.В. Вострикова*

Проблема следования правилу была впервые сформулирована в поздних работах Л. Витгенштейна, и до сих пор не утихают споры не только по поводу того, как решить эту проблему, но и по поводу того, что же, собственно, хотел сказать Витгенштейн в отношении данного вопроса, что связано с афористичным стилем его философствования.

Суть проблемы состоит в том, что у нас всегда есть лишь ограниченный опыт применения правила, тем не менее оно должно содержать директиву относительно всех возможных случаев своего употребления. Эта тема возникает у Витгенштейна в контексте его критики традиционного представления о языке, обнаруживаемого и в его собственной ранней работе «Логико-философский трактат», – представления, согласно которому слова обозначают предметы внешнего мира. В применении к языку проблема следования правилу предстает как вопрос о том, существует ли некоторое значение, которое мы схватываем раз и навсегда, когда обучаемся употреблению слова.

Широкое внимание философской общественности к этой проблеме привлек С. Крипке, который в своей книге «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» сформулировал аргумент, демонстрирующий, что никакие факты внутренней ментальной истории или внешнего поведения отдельно взятого человека не могут служить обос-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 08-03-00-239а

нованием следования правилу. Крипке предложил мысленный эксперимент с «плюсами» и «квусами», в котором воображаемый скептик ставит под сомнение вычисление $68 + 57 = 125$. Скептик говорит, что поскольку при обучении вы не рассматривали этот конкретный случай, постольку весь ваш прошлый опыт сложения может трактоваться как следование правилу «квуса», а именно: действуйте как с плюсом с числами менее 57, а с числами более 57 сумма любых двух чисел равна 5. Человек оказывается неспособным дать ответ скептику, поскольку нет никакого факта, на который он мог бы указать в качестве доказательства того, что он изначально подразумевал «плюс». Крипке распространяет свой скептицизм на язык и значение в целом и показывает, что мы не можем даже приступить к разрешению данной проблемы, не пересмотрев наше традиционное представление о языке, согласно которому предложениям должны соответствовать факты в мире. Он предлагает вместо условий истинности говорить только об условиях утверждаемости (уместности) предложения, определяемых данным социальным контекстом. Соответственно, согласно Крипке, совершенно изолированный индивид не был бы способен обучаться и следовать правилам.

Работа В.А. Ладова «Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии» является одной из немногих книг на русском языке, написанных в стиле аналитической философии. Уже один только этот факт придает ей безусловную значимость.

Общая задача книги состоит в том, чтобы продемонстрировать каким образом, казалось бы, частная проблема аналитической философии имеет непосредственное отношение к самым фундаментальным проблемам эпистемологии и онтологии, и предложить направление для ее решения, критически проанализировав уже существующие варианты. В.А. Ладов вполне успешно реализует этот проект, тем более что он не провозглашает ни в качестве цели, ни в качестве результата своей работы полное и окончательное разрешение проблемы следования правилу. Он лишь стремится показать, что некоторые популярные варианты решения, в которых сам феномен значения называется «иллюзией», должны быть исключены, поскольку имеют неприемлемые следствия. Главный тезис автора, который он убедительно обосновывает, состоит в том, что любая позиция, предполагающая отказ от классического представления об истинности и утверждающая, что значение предложения определяется случайными условиями утверждаемости, принимаемыми одним коллективом и не принимаемыми другим, имеет своим следствием реляти-

визм и антиреализм. В свою очередь, антиреализм наталкивается на ряд хорошо известных логических и эпистемологических противоречий. В целом мне очень близка оценка В.А. Ладовым теорий такого типа: «...Либо высказывание антиреалиста не говорит о том, о чем оно должно говорить, либо (и, скорее всего, происходит именно это) антиреалист опровергает свое собственное основание и высказывает самый что ни на есть реалистический тезис» [1].

В.А. Ладов начинает свое исследование с постановки проблемы и выдвигает тезис о том, что проблема следования правилу является ядром проблемы значения в целом. Он анализирует различные виды семантических теорий и приходит к выводу, что только значение, понятое как универсалия, способно выполнять роль правила, поскольку правило должно быть директивой на все возможные случаи. Затем автор переходит к анализу скептической аргументации и утверждает, что Крипке недостаточно четко и радикально сформулировал свой аргумент, поскольку представил его так, как будто мы испытываем сложность только с применением правила в будущих случаях, с которыми мы не сталкивались до этого. На самом же деле проблема заключается в том, что мы не способны здесь и сейчас отдать себе отчет относительно того, каким правилом мы руководствуемся, поскольку наше конечное сознание не в состоянии схватывать универсальные сущности целиком. Завершает свое исследование В.А. Ладов критикой существующих решений проблемы следования правилу и изложением собственного. Он предлагает решение только этого конкретного примера со сложением, обращаясь к идее математической индукции в арифметике Пеано, которая обосновывает возможность говорить о *любых* положительных числах при формулировке правила сложения, т.е. использовать квантор всеобщности. Тем не менее автор признает, что скептические сомнения могут быть возобновлены на новом уровне. «Мы даем только умеренное решение: несмотря на то, что мы не обнаруживаем средств для экспликации опыта интеллектуальной интуиции, в котором происходит схватывание универсальных концептов, мы утверждаем, что теории, пытающиеся описать процесс познания без обращения к таким концептам, несостоятельны» [2].

Что касается книги в целом, то, во-первых, хотелось бы отметить тот огромный материал, который был осмыслен и привлечен автором для обсуждения проблемы следования правилу. В.А. Ладов критически анализирует абсолютное большинство работ, написан-

ных по этой теме, вводит в научный оборот множество малознакомых для российского читателя имен, такие как Г. Бейкер, П. Хакер, Н. Малколм, С. Шиффер, Г. Эббс, П. ван Инварген, Р. Фогелин, К. Райт, К. Пикок и др. Помимо этого В.А. Ладов ставит проблему следования правилу в широком контексте проблемы значения, обсуждая аргументы Х. Патнэма, Д. Деннета, Н. Хомского, Т. Берджа, Н. Гудмена, Дж. Серла, Д. Дэвидсона и др.

Во-вторых, большим достоинством книги является стиль философской работы автора. В.А. Ладов демонстрирует аналитический метод в действии, самым скрупулезным образом рассматривая сложности различных постановок и решений вопроса о следовании правилу и значении, указывая, где неясности изложения или многозначность терминов становятся причиной затруднения, отделяя один аспект аргумента от других.

Признавая положительные стороны исследования В.А. Ладова, хотелось остановиться на некоторых его положениях и высказать несколько критических соображений. В частности, я рассмотрю понимание автором задач семантической теории и содержания проблемы значения, его анализ роли сообщества в решении проблемы следования правилу, а также используемую им терминологию.

В.А. Ладов утверждает, что витгенштейновский перенос внимания с идеи значения на идею следования правилу не представляет собой какого-то радикального сдвига в понимании языка, поскольку любая теория значения, по его мнению, и есть ответ на вопрос о том, что выполняет роль правила. Так, «универсализм» предполагает, что правилом является абстрактная сущность, «референциализм» – что эту роль выполняет сам объект, «квалитативизм» [3] – что в роли правила выступает субъективное психическое переживание.

Автор выдвигает тезис о том, что «любая теория, чтобы предоставить адекватный отчет о значении, должна ответить на вопрос о правиле, а значит, должна содержать в себе элементы диспозиционного анализа» [4]. Он говорит далее, что на роль правила может претендовать только универсалия. Соответственно, мы можем сделать вывод, что автор интерпретирует понятие «диспозиция» как «правило» и как «универсалию».

Мне хотелось бы обратить внимание на то, что здесь мы имеем дело с понятием «диспозиция», которое отличается от того, как этот термин традиционно употребляется в аналитической философии. Так, Г. Райл, на которого ссылается и В.А. Ладов, противопоставля-

ет диспозициональные выражения выражениям, обозначающим отдельные события. Диспозиция – это предрасположенность вести себя определенным образом в определенных условиях. Рассмотрим, например, убеждение в том, что из окна не следует прыгать. Диспозициональный анализ предполагает, что нет ни в голове, ни где-либо еще никакого одного события, соответствующего этому убеждению. Это убеждение предполагает множество вещей, – к примеру, что человек будет использовать для выхода дверь или что на предложение «а что если нам выйти в окно?» ответит отказом. В интерпретации же В.А. Ладова это убеждение должно представлять собой одно событие схватывания универсалий.

Мое несогласие с В.А. Ладовым в данном моменте не является чисто терминологическим. Эта неясность отрицательным образом сказывается на постановке основной проблемы, рассматриваемой в книге, – проблемы значения. Исходный тезис автора о том, что любая теория значения должна быть диспозициональной, т.е. должна предлагать анализ в терминах предрасположенностей, и что все существующие теории значения укладываются в эту схему, мне представляется неочевидным и требующим обсуждения.

Большинство теорий значения не имели своей целью дать анализ предрасположенностям или правилам употребления слов. Рассмотрим, к примеру, теорию значения в логическом атомизме Б. Рассела. Этого философа совершенно не интересует, как кто-то лично предрасположен употреблять какое-то слово, для него важно только то, что логический анализ значения, пределом которого станут логические имена, обозначающие чувственные данные, вообще в принципе возможен. Таким образом, здесь мы имеем дело с теорией, которую можно назвать «квалитивной», если воспользоваться термином В.А. Ладова, но она, тем не менее, не является диспозициональной, что противоречит его тезису о том, что квалитивная теория значения является разновидностью диспозициональной.

С другой стороны, аргументы скептика оказываются просто нерелевантными каузальной теории референции, согласно которой референция выражения задается его каузальной связью с предметом. Все они нацелены на то, чтобы показать, что у отдельно взятого индивида недостаточно ресурсов, для того чтобы представить однозначный отчет о значении. Странник рассматриваемой теории не видит в этом никакой проблемы, более того, он может утверждать, что у всего общества в целом может быть на определенный момент

времени недостаточно знания, чтобы однозначно определить значение термина. Аргументы Х. Патнэма, такие как «двойник Земли», как раз и имели целью показать, что никакие индивидуальные предрасположенности к употреблению вообще не имеют отношения к феномену значения. Хотя путешественник, оказавшийся на двойнике Земли, предрасположен употреблять слово «вода» применительно к веществу со структурой XYZ, лишь по внешним признакам напоминающему воду, это никак не меняет того факта, что слово «вода» продолжает обозначать только H₂O на Земле.

Поэтому критика этих теорий В.А. Ладовым на том основании, что они не способны дать адекватный диспозиционный отчет о значении, мне представляется не совсем справедливой. Также очень спорным представляется тезис о том, что диспозициональная теория является наиболее влиятельной теорией значения в философии языка [5].

Следует также заметить, что «диспозиция» – это все-таки термин философии сознания, а не философии языка и, тем более, не семантики. Главной задачей семантической теории все же является не решение частного вопроса философии сознания о том, насколько способен индивид осознать значение термина и каким образом формируются его предрасположенности к употреблению. У семантики есть свой круг вопросов, которые она исследует, и свои задачи, которые она выполняет.

Например, понятие «смысл» в семантической концепции Г. Фреге позволяло решать ряд важных проблем. Во-первых, это проблема выражений, обладающих смыслом, но лишенных референта. Во-вторых, проблема существования выражений с разным смысловым значением, но одинаковым референтом. В-третьих, это проблема косвенных контекстов. В свою очередь, каузальная теория референции, в том числе и представленная в работах С. Крипке, ставила своей задачей решение других семантических проблем, в частности проблемы употребления имен в контрфактических высказываниях.

Отстаиваемая В.А. Ладовым теория значения, согласно которой значением любого слова является универсалия, сама наталкивается на ряд существенных *семантических* сложностей. Такая теория не учитывает важные различия между типами семантических единиц, такими как имена собственные и общие термины. Например, если содержанием имени «Аристотель» является некое понятие, такое как «последний философ Античности», то предложение «Аристотель мог бы не стать последним великим философом античности», должно было бы рассматриваться как противоречие, тем не менее

оно таковым не является. Эта и другие сложности рассматриваемой теории значения были продемонстрированы в работах Б. Рассела, С. Крипке, К. Доннелана, Х. Патнэма и др.

Иными словами, утверждать, что любая семантическая концепция должна быть диспозициональной, объяснять, как и почему индивид предрасположен употреблять слова определенным образом, – значит по меньшей мере упускать из виду важнейший пласт собственно семантических проблем.

Сомнению можно подвергнуть и решение проблемы следования правилу, предлагаемое В.А. Ладовым. Он признает силу скептической аргументации, состоящей в том, что мы никогда не способны отдать себе отчет, в каком значении используем слово. Однако в заключительной части книги автор утверждает, что нам следует признать возможность схватывания значения, поскольку это единственный способ избежать релятивизма. Таким образом, он не предлагает читателю возможного разрешения скептического сомнения относительно значения.

Может быть, это отчасти связано с тем, что В.А. Ладов не совсем обоснованно слишком во многом уступает гипотетическому скептику. Можно согласиться с автором, что если скептику удастся показать, что значение – это иллюзия, которая создается в каждом акте коммуникации, то следствием данного тезиса стал бы релятивизм. Тем не менее мне не кажется, что аргументы скептика настолько сильны. Все, что удастся показать скептику, – это то, что один человек, рассматриваемый в изоляции, не обладает достаточными ресурсами, которые всегда позволяли бы ему точно определять значение употребляемых им терминов. Многие авторы, в частности сам С. Крипке, полагали, что введение точки зрения социума как инстанции, фиксирующей значение термина, могло бы решить проблему следования правилу. Представляется, что такое введение социума по меньшей мере способствовало бы преодолению скептицизма относительно значения терминов обыденного языка.

Согласно же позиции В.А. Ладова, конвенциализм, т.е. теория о том, что значение формируется при участии явной или неявной социальной договоренности, не может служить здесь ответом, поскольку его неизбежным следствием является «самопротиворечивый» релятивизм [6]. Однако один только тезис о том, что значение фиксируется социальными институтами, не влечет за собой релятивизм. Релятивизм требует дополнительного тезиса о том, что слова и предложения не относятся к внешнему миру, что истина не состоит в соответствии пред-

ложений фактам. Если же речь идет только о проблеме фиксации правила, то конвенционализм мог бы выполнить эту задачу.

Очевидно, что в значении терминов обыденного языка силен конвенциональный элемент, но из этого не следует, что все значения задаются социумом совершенно произвольно. Позиция сообщества не исключает роль внешнего, несоциального мира в формировании значения; ее влияние может быть более сильным в отношении таких вещей, как «стол», и менее сильным в отношении таких вещей, как «вода». Иными словами, конвенционализм в отношении фиксации значения не исключает того, что слова и предложения относятся к внешнему миру. Речь идет о том, что сообщество может случайно решить называть эту прозрачную жидкость «водой» и рассеять ваши индивидуальные сомнения о том, следует ли называть «водой» также и спирт. Но однажды зафиксировав значение этого термина, оно не меняет его произвольно, а ориентируется на то, что имеет место в мире. Все сообщество в целом может не владеть полным значением слова «вода» и уточнять его, когда мы сталкиваемся со сложными случаями вроде двойника Земли.

Таким образом, тезис о том, что любое отступление от универсалистской семантики в пользу позиции сообщества относительно терминов обыденного языка имеет своим следствием релятивизм, представляется необоснованным. В.А. Ладов, конечно, не единственный, кто отстаивает данную позицию, – одним из наиболее ярких примеров здесь может служить Г. Фреге. Как и Ладов, Фреге полагал, что платонизм является единственной альтернативой релятивизму. Но его аргументация была другой: он считал, что смысл не может рассматриваться как набор индивидуальных психологических представлений, поскольку никто не может разделить с индивидом его переживаний. Каждый в такой ситуации, по Фреге, говорил бы только о своем и не мог бы понять другого. В данном же случае если общество является условием фиксации и усвоения смысла, такая проблема отчасти исчезает.

В.А. Ладов выдвигает очень сильный тезис о том, что из аргументов Крипке следует самый радикальный скепсис. Речь идет не только о том, что человек может совершить ошибку в употреблении слова, но и о том, что он сам может совершенно не понимать, что хотел сказать: «поскольку понятия, которыми мы пользуемся, до конца не определены, постольку употребляя слово, мы не знаем в точности то, что мы имеем в виду» [7]. Конечно, позиция сообщест-

ва, состоящего из индивидов, не понимающих, что они имеют в виду, не дает возможности решить проблему следования правилу.

Как мне кажется, для того чтобы приступить к решению скептического парадокса в такой формулировке, требуется пересмотр не классического представления о языке, согласно которому слова обозначают предметы, а предложения (по меньшей мере, некоторые) – факты, а представления (с которым соглашается автор) о том, что «лингвистический опыт является основополагающим для процесса познания» [8]. Это представление о роли языка в познании исходит из убеждения о том, что никакое мышление вообще невозможно без языка, как будто без языка мы не были бы способны отличать одни предметы от других и весь мир представлялся бы нам цветными пятнами и набором шумов. Такая картина по меньшей мере не согласуется со всем, что нам известно о поведении существ, не обладающих языком, и об их способности ориентироваться в мире. Понятие о предмете не является абстрактным правилом о том, как употреблять слово, обозначающее этот предмет (класс предметов). Проблема же с аргументацией скептика состоит в том, что даже если ему удастся показать, что предложения «снег бел» и «трава – зеленая» в каком-то диалекте могли означать одно и то же и об этом мог не знать человек, произносящий одно из этих предложений, отсюда не следовало бы, что мысль о снеге и мысль о траве могли бы быть абсолютно неразличимы.

В завершение этого обзора хотелось бы кратко остановиться на терминологии, используемой В.А. Ладовым. Мне представляется не совсем оправданным введение и использование без обоснования некоторых терминов. В частности, возникает ряд вопросов о неологизме «онтоэпистемический»: идет ли здесь речь о том, что автор не признает различия между онтологическим и эпистемологическим аспектами? Множество сомнений вызывает и термин «референциализм»: имеется ли в виду только каузальная теория референции или любая экстерналистская концепция значения? Можно ли отнести теорию Фреге, который считал, что значением имени является предмет, к референциализму или его теория является «универсализмом», поскольку он считал смысл универсалией? То же самое можно сказать о терминах «квалитивная теория значения», «ментализм» и др.

Иногда такая терминологическая неясность отрицательно сказывается на понимании читателем тезисов автора. Например, в тезисах о том, что теория значения Х. Патнэма ведет его к принятию анти-

реалистской позиции [9] и что критикуемая им традиционная теория значения не может рассматриваться как проявление реализма [10], непонятно, имеется ли в виду «реализм» в отношении универсалий или же «реализм» в отношении внешнего мира. Если речь идет о реальности внешнего мира, то оба тезиса представляются слишком сильными: большинство исследователей, напротив, полагают, что следствием патнэмовского экстернализма является реализм и традиционная теория значения реализм не исключает (опять же можно в качестве примера привести Г. Фреге).

В заключение хотелось бы сказать, что работа В.А. Ладова, будучи одним из немногих не историко-философских исследований по аналитической философии в России, безусловно, представляет собой существенный вклад в обсуждение этой проблематики. Автор не только формулирует ряд интересных и провоцирующих дискуссии тезисов относительно самой проблемы следования правилу, но и демонстрирует ее место в общем контексте исследований в области семантики и эпистемологии, что делает книгу интересной для более широкого круга читателей. Кроме этого, по объему исследованного и привлеченного материала с данной книгой на сегодняшний день вряд ли сможет сравниться какая-либо другая изданная на русском языке работа, посвященная проблеме следования правилу.

Примечания

1. *Ладов В.А.* Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. – Томск, 2008. – С. 251.

2. Там же, – С. 309.

3. Я указываю эти термин в кавычках, потому что не совсем согласна с его употреблением В.А. Ладовым, о чем будет сказано далее.

4. *Ладов В.А.* Иллюзия значения... – С. 68.

Там же. – С. 68.

6. Там же. – С. 76.

7. Там же. – С. 80

8. Там же. – С. 46.

9. Там же. – С. 240.

10. Там же. – С. 241.

Институт философии РАН,
Московский городской
педагогический университет,
г. Москва